

Кудьбуря. — 2001. — 31 мая — 6 июня. — с. 10

Каждому нужен свой якорь

Сергей ВИНОГРАДОВ в молодом российском театре — фигура неоднозначная. Актер, режиссер, хореограф, причем последние две профессии он осваивает самостоятельно, методом проб и ошибок. За это получает немало шишек от критиков, до сегодняшнего дня считающих его дилетантом в среде профессионалов. Актерское мастерство Виноградова, к счастью, сомнению подвергается не часто. К своим 35 годам он успел опробовать самые разные способы творческого существования. Был звездой у Романа Виктюка, одним из первых ушел в "свободное плавание", создал собственную "Театральную компанию Сергея Виноградова", после чего вновь вернулся к положению "штатного" актера, на сей раз Театра имени Моссовета. Остается частым и желанным гостем столичных антреприз, где работает во всех трех вышеупомянутых качествах. И вполне способен поразмышлять на темы времени и его героя.

— Сейчас, мне кажется, главная проблема, которая стоит перед молодым человеком творческой профессии, — попытаться не потерять себя. Точнее даже — себя найти на нынешнем непонятном фоне. Когда сегодня видишь многие вещи в театре, кино, на телевидении, возникает ощущение какой-то вседозволенности. Не очень юные мальчики реализуют свои детские комплексы, они дорвались до того, что на экране можно вдоволь стрелять, убивать и т.д. А за этим порой открывается пустота.

Мне очень трудно говорить на эту тему, потому что подобная проблема стоит передо мной всерьез. Я чувствую, что не вписываюсь в эту систему ценностей. А потому очень мало снимаюсь в кино. В театре играю практически только в своих спектаклях, за редким исключением. От того, что предлагают другие режиссеры, чаще всего отказываюсь после двух-трех недель репетиций. Я чувствую дикий дискомфорт по отношению к этому времени.

— Этот дискомфорт вы пытаетесь как-то преодолевать или лучше приспособиться к таким непростым обстоятельствам?

— Я стараюсь не сдаваться и верить в лучшее. А единственное, чем

я спасаюсь в этой ситуации, это попыткой не врать самому себе, говорить о том, что меня действительно сегодня интересует. Потому что, если не врешь самому себе, есть шанс стать интересным кому-то еще — своей открытостью, неискусственностью, что ли. Я пытаюсь придумать, и иногда мне это даже удается, какой-то совершенно новый стиль игры. Во всяком случае, так говорят люди, с которыми я работаю. Это не бытовые приемы, я вообще не считаю себя бытовым артистом. Но это действительно безыскусная игра, открывая. Она ближе к Брехту. И этим я пытаюсь спастись, пока не появится какой-нибудь новый "герой нашего времени".

— Пока что "наше время" не располагает к появлению своего "героя"?

— "Герой нашего времени" — это понятие стабильное и относится к стабильному времени, которое можно сформулировать. Он должен быть личностью. Когда-то в качестве героев можно было назвать таких артистов, как Николай Крючков, Алексей Баталов, Иннокентий Смоктуновский. Но сейчас, мне кажется, нет личности, которая предстала бы нынешнее состояние общества. Все очень поверхностно. Я

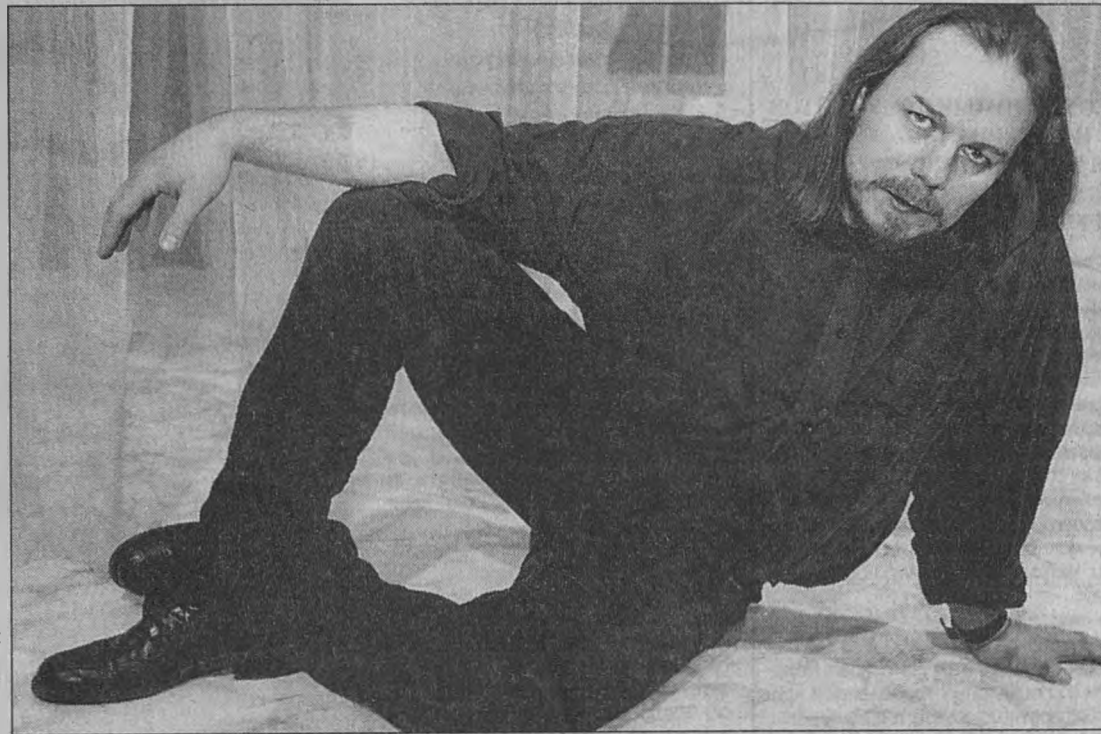

ФОТО И КАЛЕДИННОЙ

не хочу думать, что какой-нибудь "агент национальной безопасности" может стать "героем нашего времени". Хотя были попытки сотворить такого из "братков" или "ментов". Но это — однодневки, они плодятся, сменяя друг друга, не достигая уровня "героизма". А в общем, повторю, появится стабильность — появится и герой.

— Он придет из жизни или будет создан средствами искусства?

— Думаю, что следующее явление "героя" случится даже не столько из искусства, сколько из некой виртуальной реальности. Он будет создан, конечно же. Ведь давно прошли те времена, когда с героем хорошо было выпить рюмочку, похлопать его по плечу, потом пойти в разведку. Мне кажется, что сейчас, когда все технологии, в том числе и

пиаровские, находятся на высоком компьютерном уровне, героя сделают, сконструируют. Но это очень сложный процесс.

— Последние десять лет, по-моему, справедливо называют временем дилетантов. Частенько единственным критерием на право поставить спектакль, снять фильм или сыграть в нем главную роль является наличие средств. Вас тоже нередко обвиняют в дилетантизме за то, что беретесь за режиссуру и хореографию, не имея специального образования.

— Это очень трудный вопрос. Я недавно отказался от хорошей классической роли после полутора месяцев репетиций. Просто ушел из спектакля, потому что понял, что это бездарно по всем позициям. И в

первую очередь по сердцу. А если человек работает вне сердца, а значит, вне собственного видения, он идет и вне профессии.

Ваш вопрос — это палка о двух концах. Конечно, профессия необходима. Нужно уметь выстроить кадр, разработать мизансцену. Но, с другой стороны, куда страшнее, когда профессионал вызывает уныние. Многие фильмы Годара невыносимо смотреть, как и некоторые фильмы Бергмана. Но там есть кадры, от которых я схожу с ума, забываю дышать. Хотя они порой сделаны словно бы вне профессии. Но в них есть чувство, а вне чувства входить в этот мир бессмысленно.

Между прочим, в последние 30 лет самые выдающиеся вещи в нашей профессии делали дилетанты. Юрий Любимов, не имея режиссер-

ского образования, создал великий театр. Лучший хореограф страны Евгений Панфилов — бывший механизатор. Это очень тонкая вещь, к подобной проблеме стоит подходить крайне осторожно.

— Вам лично не мешает отсутствие специальных профессиональных навыков?

— Сейчас я дожил до такого возраста, когда не хочу стесняться того, что я занимаюсь этими профессиями. А я очень долго стеснялся: "Ой, а можно я у вас тут поставлю какой-нибудь спектаклик, Роман Григорьевич? Есть такая пьеса — "Коллекционер". А можно, Генриетта Наумовна, я у вас в ТЮЗе сделаю спектакль? Вот у меня инсценировочка. Правда, я — дилетант, у меня только актерская профессия, но можно я попробую?" Я устал от этого. Сейчас я играю больше 20 спектаклей в месяц вместе с такими звездами, как Инна Чурикова, Людмила Гурченко, Нина Дробышева. И если я могу с ними работать на равных, значит, имею на это право.

— У молодых актеров и режиссеров не в чести тот театр, который мы привычно называем "реалистическим". У их персонажей порой не разглядеть не только характеров, но и принадлежности к определенному полу. Какой театр ближе вам?

— Так получилось, что я сейчас каждый месяц выпускаю премьеры. И все эти спектакли решены в принципиально разных стилях. "Опасный, опасный, очень опасный..." — условный, гротесковый фарс. "Кейку-ок" построен на отсутствии какой-либо "игры", на безыскусности, повествовательности. А следующая история, в которую я сейчас потихоньку вхожу, — это совершенная провокация. Спектакль по английской пьесе, специально для меня переведенной А.Чеботарем, будет называться "Такое глубокое удовольствие", и в скобках "Детям до 16 смотреть не рекомендуется". Такой эротический вызов русскому зрителю, очень наглый, но при этом,

я надеюсь, все останется в рамках искусства. И то, и другое, и третье мне в равной степени интересно.

Я помню, какое впечатление на меня в очень ранней молодости произвел салат, который делали артисты в спектакле Анатолия Васильева "Взрослая дочь молодого человека". Этот запах лука, который шел в зал... Там был такой кайф, такая подлинность и одновременно эстетичность. Но нельзя забывать другое: то, что происходит на сцене, это все не жизнь. Даже если лук настоящий, то салат все равно театральный. Здесь всегда спор между зрителями и исполнителями.

— Помнится, лет пять назад, когда мы с вами разговаривали впервые, вы видели причину всех бед молодых артистов в "роковом пристрастии к столику в примерке". Сегодня вы на собственный столик смотрите с нескрываемой нежностью. Идея "свободного плавания" не выдержала испытания временем?

— Дело не в том, что у такой конформист или сильно изменились мои взгляды. Нет. Тогда мне нужно было получить внутреннюю свободу. Пять лет назад я был почти безработным артистом, у которого больше планов, чем возможностей для их реализации. Сейчас я работаю слишком много, все взваливаю на себя и никак не могу остановиться. Я не хочу давать никаких советов, но мне кажется, что на сегодняшний день очень важно комбинирование свободы и стабильности. Да, "свободное плавание" — это часть профессии, ее стихия. Но сейчас мне важно знать, что у меня есть якорь. Он — на этаже, где висят таблички с именами Любои Орловой, Веры Марецкой, Фаины Раневской, Николая Мордвинова. Дело не в пьетете перед академическим театром, к нему можно по-разному относиться. Но должна быть определенная база. Я здесь часто бываю, играю спектакли, хожу на какие-то собрания. Но при этом в Театре име-

ни Моссовета знают, что меня очень трудно схватить за руку и согласовывать наши планы мы должны заранее, потому что я работаю еще в шести местах. Это мой режим работы, и такая ситуация пока всех устраивает.

— Жива ли еще "Театральная компания Сергея Виноградова"?

— Компания жива. Там я сейчас начинаю новый проект. Это будет большой спектакль, мне надоели малые формы. К осени моя давняя мечта поставить Генри Миллера, надеюсь, воплотится в жизнь. Мы по-прежнему играем "Машеньку", "Коллекционера", "Пену дней". Мне кажется, у нас закончилось детство, пора вступать по меньшей мере в юношеский возраст.

— Актеры по-прежнему охотно идут к вам, не получая сверхвысоких гонораров?

— Я никогда не скрывал от артистов, что не создаю ни государственного, ни даже муниципального театра. Компания делалась "под меня". В этом есть определенная наглость, но я за это плачу, в конце концов. Артисты приходят "за интересом", за материалом, ради встречи с публикой на этом неплохом материале. Все прекрасно понимают, что здесь вряд ли стоит рассчитывать на серьезные карьерные продвижения или высокие гонорары.

Сейчас "Компанию" очень трудно, потому что в Москве за последние пять лет случился такой перебор антреприз, создалась чудовищная конкуренция. Причем значительная часть спектаклей, на мой взгляд, вообще не имеет права на существование. Но при этом они заполонили собой все. Хотя я считаю, что это нормальный процесс, нормальная ситуация, через которую все должно пройти. В 1991 году в стране снималось 350 фильмов, в 1994-м — уже 30. То же самое произойдет и в театре. Когда народ поймет, что к чему, все придет в норму.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА